

Personality phenomenon and noumenon

A. V. Karpov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific paper
Full text in Russian

The article presents the results of a theoretical and methodological analysis of the concept of personality, carried out on the basis of the fundamental philosophical category of quality. Some aspects of the relationship between phenomenal and noumenal modes in relation to the concept of personality, which have not been described so far, are revealed and interpreted. The directions of synthesis of two main approaches to the study of personality in psychology – epistemological and ontological – are outlined.

Keywords: personality; phenomenon; noumenon; individual qualities; qualities; ontological approach; epistemological approach

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov Anatoly V.	E-mail: anvikar56@yandex.ru
	ORCID 0000-0003-4547-2848
	Corresponding member of the RAO, Doctor Sc. (Psychology), Professor

Funding: RFBR, Project No 19-013-00113.

Феномен и ноумен личности

А. В. Карпов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

Представлены результаты теоретико-методологического анализа понятия личности, осуществленного на основе фундаментальной философской категории качества. Раскрыты и проинтерпретированы некоторые не описанные до настоящего времени аспекты соотношения феноменального и ноуменального модусов по отношению к понятию личности. Намечены направления синтеза двух основных подходов к исследованию личности в психологии – гносеологического и онтологического.

Ключевые слова: личность; феномен; ноумен; индивидуальные качества; качества; онтологический подход; гносеологический подход

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов Анатолий Викторович | E-mail: anvikar56@yandex.ru
ORCID 0000-0003-4547-2848
Член-корреспондент РАО, доктор психологических наук,
профессор

Финансирование: РФФИ, проект №19-013-00113.

I

Особое и во многом определяющее центральное место в структуре фундаментальной проблемы личности занимает, как известно, понятие *индивидуальных качеств*. Оно является также одним из наиболее традиционных и общепринятых в психологии в целом, широко используясь в ряде направлений и отраслей психологического знания, а также при разработке многих проблем различного характера и уровня обобщенности. Одновременно и та психическая реальность, которая зафиксирована в нем, также представляется достаточно ясной и в то же время очень общей по своему содержанию. Действительно, в своем наиболее общем смысле, оно, равно как и близкие ему понятия, такие, например, как понятия личностных качеств, свойств индивидуальности, психических качеств и пр., обозначает один из важнейших классов фак-

торов, входящих в общую категорию субъектных детерминант деятельности и поведения. Кстати говоря, именно данным обстоятельством определяется и их фундаментальная прикладная значимость. Они являются важнейшими и определяющими факторами, которые решающим критически значимым образом влияют и на процессуальные характеристики, и на результативные параметры деятельности (и профессиональной, и учебной, равно, впрочем, как и на все иные проявления активности личности). Они фактически составляют содержание того, что в свое время имел в виду С.Л. Рубинштейн в своей известной формулировке принципа детерминизма, согласно которой «внешние причины действуют через совокупность внутренних условий» [1]. Вполне закономерно поэтому, что индивидуальные качества являются предметом пристального внимания и большого числа

© Карпов А. В., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

конкретных исследований в русле прикладной психологии.

Вместе с тем данное понятие фиксирует и важнейшую грань содержания психики в целом, взятого в ее многообразных проявлениях. Дело в том, что в самом понятии «качества» воплощается не просто та или иная, то есть рядовая, сторона какой-либо сущности, а именно *главное* и определяющее, что в ней есть. Как известно, именно это обстоятельство входит в само философское определение категории «качество»: «качество – это то, благодаря чему нечто является тем, что оно есть»; «качество есть тождественная со своей сущностью определенность» [2, 3]. Тем самым в нем, равно как и в совокупности его многообразных конкретизаций – индивидуальных качеств, фактически эксплицируется сама качественная определенность психики – ее «самость», ее сущность, а потому в известной степени и сама ее онтология. Качества во многом и конституируют внутренний мир личности, образуют его содержание и обуславливают его гетерогенность и многоплановость. В этом плане очень показателен ход мысли, осуществленный в свое время А. Н. Леонтьевым в его полемике с С. Л. Рубинштейном относительно природы детерминации психического: не «внешнее через внутреннее», а «внутреннее через внешнее» [4]. Этим он, как известно, пытался акцентировать внимание на самодетерминированности психического, на наличии у него аутохтонных факторов своего бытия и собственного функционирования, а также на его самодостаточности и имманентно присущей ему активности. Однако все это как раз и фиксирует уже не преимущественно прикладной смысл данного понятия (в качестве детерминант результативной стороны деятельности и поведения), а его собственно теоретический смысл – того, в чем и эксплицируется качественная определенность внутреннего мира личности, а значит, и содержание психики как таковое.

II

Вместе с тем сквозь «призму» данного понятия, на наш взгляд, могут быть эксплицированы некоторые дополнительные и так-

же очень существенные особенности фундаментального психологического понятия *личности*, взятого в его собственно *гносеологическом* измерении. Так, в свете отмеченных выше обстоятельств вполне очевидно, что именно понятие качеств личности действительно является тем базовым конструктом, который наиболее полно и точно фиксирует и раскрывает содержание само личности, взятой в «главном», что ее и образует – в ее содержании, в ее качественной определенности. Качества личности – это и есть то, на основе чего конституируется само это содержание; из чего оно складывается, формируется и развивается. Тем самым качество эксплицируется уже не только как основания «единица» познания (как научного, так и житейского) [5, 6] и сознания [7], но и как основная «единица» *личностной организации*. Она обнаруживает свой статус базового компонента внутреннего мира личности, выступая одновременно как результат интернализации содержательных аспектов социума и генезиса самого индивида. Совокупность качеств личности образует огромный по объему и беспрецедентный по значимости «пласт» субъективной реальности. Внутреннее содержание личности – ее качественная определенность, по-видимому, не только проявляется в ее основных качествах и в этом плане образована ими, но и не может проявляться ни в чем ином, кроме них. В этом плане сама личность, точнее, ее внутренний мир, репрезентированный как ей самой, так и другим, не просто дан в качествах – он ни в чем ином и не может быть дан. И в этом смысле личность не просто состоит из качеств; она состоит только из них, а их совокупность – это и есть исчерпывающее множество тех «единиц», которые ее и раскрывают.

В этом отношении не только вполне закономерно, но и очень естественно и даже необходимо, что данное понятие – это и есть *основной конструкт* всей психологии личности, а сама психология личности (и родственные с ней направления психологии – дифференциальная психология, психодиагностика и др.) – это и есть дисциплина, изучающая в основном именно личностные *качества*.

Содержание личности и совокупность ее качеств во многом являются просто тождественными понятиями и по своему объему, и по предметной сфере. В этом, кстати говоря, проявляется – правда, на существенно более обобщенном уровне анализа – и известная диалектика феноменального и ноуменального в познании – в данном случае личности (а также в самопознании ею самой себя); поясним сказанное. Как известно, смысл этих соотношений и в целом диалектики феноменального и ноуменального впервые получили очень глубокое раскрытие во взглядах И. Канта [8]. Он дифференцировал не зависящий от субъекта мир – мир «вещей в себе» и мир феноменов, явлений – мир чувственных предметов, мыслимых рассудком. Для теоретического познания мир вещей в себе закрыт. Это – мир как он есть сам по себе (то есть вне формирующей деятельности разума). Напротив, мир, как он дан в явлении, открыт опыту. Любой предмет познания раздваивается на явление и вещь в себе (феномен и ноумен). Совокупность явлений составляет чувственно воспринимаемый мир, а совокупность вещей в себе – мир, не воспринимаемый органами чувств. Каждый из этих миров не только дан нашему сознанию неодинаковым способом, но и имеет разное познавательное значение. Мир вещей в себе недоступен для опытного познания, что и зафиксировано в известной дихотомии феноменального и ноуменального, а также принципиальной недостаточности первой для проникновения во вторую.

Однако нетрудно видеть, что аналогичные вопросы и трудности возникают, причем с еще большей остротой, и по отношению к познанию личности (и ее самопознанию). Действительно, выше мы уже отмечали, что любой вопрос относительно содержания и специфики личности – вопрос о том, что характерно для нее, – практически всегда предполагает возможность ответа на него только в терминах, фиксирующих те или иные ее личностные качества, те или иные феноменальные проявления. Ответить на вопрос о том, чем является конкретная личность, что образует ее содержание, в чем ее главные сущностные черты и др., можно лишь в терми-

нах качеств личности. Раскрыть содержание личности (так сказать, «из чего она состоит») можно только через указание на то, в чем она проявляется, эксплицируется – в терминах, фиксирующих ее качества. Она как носитель качеств допускает возможность раскрытия не в терминах самого носителя, а в терминах его *проявлений*. При этом данная особенность выражена настолько – она настолько естественна и труднопреодолима, – что последние, т. е. термины *качеств* носителя, фактически заменяют и вытесняют термины *носителя* качеств. В этом плане раскрыть содержание и специфику личности вообще означает раскрытие ее качеств. Сами же качества, таким образом, *онтологизируются* и выступают уже не как качества носителя, а как содержание самого носителя.

Данное обстоятельство во многом просто блокирует доступ к самому *ноуменальному* – к раскрытию содержания носителя. И если вопрос о непроницаемости ноумена по отношению к объектам реальности, то есть к неодушевленным сущностям, поставлен четко и определенно, то по отношению к субъектам, к личности как принципиально иному предмету научного познания он фактически не только раскрыт, но даже и не сформулирован. Личность в еще большей степени «закрыта» для проникновения через ее феноменальные проявления (качества) в ее ноуменальное содержание (в то, чем она на самом деле и является). Причем дело здесь не только в традиционных трудностях «расшифровки» ноуменального по феноменальным проявлениям, но и в том, что само ноуменальное *заменяется* феноменальным и отождествляется с ним. В основе этого как раз и лежит то, что сами качества личности из своего феноменального статуса фактически трансформируются в ноуменальный.

III

Наряду с этим, существует еще одно принципиальное обстоятельство, которое в очень значительной степени осложняет реальные соотношения феноменального и ноуменального модусов личностной организации. Оно состоит в том, что мера и даже характер

проявления практических всех личностных качеств являются субъектно регулируемы, а основным средством такой регуляции выступают механизмы рефлексивного контроля [9]. На наш взгляд, именно рефлексия как процесс и рефлексивность как свойство во многом и определяют – задают тот или иной режим, в котором личность считает целесообразным и возможным (или необходимым) задействовать те или иные индивидуальные качества. При этом рефлексия играет определяющую роль не только в плане оценки объективной ситуации (ее значимости, последствий и пр.), но и в плане оценки собственно личностных детерминант (то есть всей системы субъектных факторов). Мотивационные, эмоциональные, а в целом личностные детерминанты действуют на выбор того или иного режима не прямо и автоматически, а опосредствованно, точнее, рефлексивно-опосредствованно. Тем самым рефлексивность раскрывается и как своего рода «качество по контролю за качествами», поскольку она может регулировать актуальную меру их проявления. Рефлексивность эксплицируется и как своеобразное мета-качество. Эмпирическими референтами такого влияния выступают общепсихологические феномены произвольной фасилитации и ингибиции того или иного свойства, явления психической компенсации и др. В этом проявляется одна из основных функций рефлексивности – трансформационная, состоящая в возможности изменения уровня проявления иных качеств и тем самым характера их влияния на деятельность. Причем, как показывают эмпирические данные, степень этого влияния настолько велика, что рефлексивность может полностью блокировать проявление того или иного качества или даже менять характер (направленность) его влияния на противоположный.

Иными словами, рефлексивность значительно регулирует и характер, и уровень проявления других качеств субъекта. Кроме того, и влияние на деятельность иных средовых и ситуационных факторов также опосредствуется, как правило, рефлексивным контролем. В силу этого, в реальных условиях

профессиональной деятельности и в ситуациях повседневного поведения проявления любого индивидуального качества выступают не абсолютными – стабильными, стационарными, а принципиально вариативными – рефлексивно-относительными. Характер и степень рефлексивного контроля значимо детерминируют диагностируемый и вообще наблюдаемый уровень проявления любого индивидуального качества и поэтому в определенном смысле входят в состав индивидуального качества, в понятие уровня его развития.

В этом плане необходимо подчеркнуть, что значимость средств и механизмов собственно рефлексивного плана начинает все более отчетливо осознаваться в настоящее время именно в связи с проблемой индивидуальных качеств. Так, прежде всего она зафиксирована в концепции «характерных адаптаций» (ХА) [10, 11, 12]. Как отмечает С. А. Щебетенко [12], «ХА состоят из неопределенного множества психологических феноменов, включая мотивы, цели, планы, устремления, стратегии, ценности, Я-схемы, самопрезентации и ментальные репрезентации значимых других, задачи развития и т. д. (McAdams, Pals [13]). ХА позволяют человеку осмысленно взаимодействовать со средой и являются, по сути, продуктом этого взаимодействия (McCrae, Costa [14]). ХА одновременно основаны на базовых тенденциях и обусловлены так называемыми «внешними влияниями» (external influences). «Характерность» в этом термине возникает в силу того, что образующие его феномены представляют собой «постоянную психологическую сердцевину индивида» (enduring psychological core of the individual – McCrae, Costa [14]). «Адаптации» возникают в силу того, что эти феномены – и их изменчивость – позволяют индивиду приспособиться к постоянно меняющейся среде (help the individual fit into the everchanging social environment – там же). ХА демонстрируют изменчивость в зависимости от культурного, семейного и возрастного контекстов» [14].

Это свидетельствует о существовании следующей, по-видимому, фундаменталь-

ной по своему смыслу закономерности. Характер и даже сама мера проявления индивидуальных качеств не только не является, но и не должна являться стационарной, неизменной. Напротив, она должна выступать как ситуационно-зависимая и личностно-регулируемая. При этом ведущую и определяющую – собственно регулятивную – роль в том, каким образом будет представлена эта мера, играют средства и механизмы собственно рефлексивного плана. Следовательно, не только можно, но и необходимо считать, что должны существовать и такие средства – такие способности, качества, свойства, вообще такие возможности, которые обеспечивали бы все это. Другими словами, возникает вполне обоснованное предположение, согласно которому должны существовать определенные средства, механизмы, процессы и пр., проявляющиеся соответственно в тех или иных качествах как их итоговых эффектах, которые направлены на то, чтобы регулировать характер и меру проявления всех других качеств. Это своего рода качества, позволяющие «распоряжаться своими качествами» – «вторичные» качества. Они направлены на то, чтобы максимально эффективно использовать арсенал иных – «первичных» качеств. По отношению к ним также должно быть применено именно это понятие – понятие качества, поскольку такого рода образования, несомненно, составляют очень важную сторону субъектной регуляции поведения и, следовательно, важную грань самой субъектности, а потому со столь же очевидной несомненностью входят в состав всей качественной определенности личности. Они эксплицируют то, в какой мере и в каком аспекте, а также с какой полнотой субъект «владеет» своими качествами; в какой мере он выступает именно субъектом своей качественной определенности, своей «самости» (которая в значительной мере и образована всей системой его индивидуальных качеств).

В связи со всем вышеизложенным возникает еще более принципиальный вопрос: что вообще по отношению к конкретному индивиду следует считать его истинными качествами? Либо это качества, еще не под-

вергнутые контролю со стороны «вторичных» качеств и не прошедшие «цензуру» с их стороны, равно как и процедуры рефлексивного опосредствования либо же это те их проявления (в том числе и в мере выраженности), которые уже выступают эффектами влияния с их стороны? Но в таком случае возникают другие еще более сложные вопросы: по отношению к каким ситуациям и личностным контекстам рассматривать вариации этой меры? что именно следует считать истинным («настоящим») уровнем развития свойства интернальности – либо общую интернальность, либо то или иное ее основное проявление? Дело в том, что данное свойство, равно как, впрочем, и целый ряд иных личностных качеств, обладает свойством парциальности: оно представлено в значимо разной мере выраженности по отношению к различным жизненным сферам (например, бытовой сфере, отношению к здоровью, профессиональной сфере и др.). Наконец, возникает и максимально общий и наиболее принципиальный вопрос: что вообще образует личность – система ее «первичных» качеств или же совокупность тех вариаций – тех «превращенных форм» этих качеств, которые генерируются посредством наложения на них «вторичных» качеств?

На основании этого, по-видимому, следует вообще дифференцировать две основные формы проявления и даже два модуса существования индивидуальных качеств. Первая – это их исходная, первичная форма – тот модус, который соотносится с их еще не прошедшим контролем со стороны «вторичных» качеств. Вторая – это те же качества, но уже подвергнутые такого рода контролю и представленные в трансформированном виде. Обе эти формы одновременно представлены в общей структуре личности. Совокупность первых составляет то, что обычно обозначается как «истинная суть» личности и соотносится с ее ноуменальным модусом, а вторая – как поведенческие проявления личности и соотносится с ее феноменальным модусом.

IV

На наш взгляд, в свете вышеизложенного вопрос о соотношении феноменального и ноуменального в понимании личности, а также ее качеств может быть поставлен и рассмотрен и на более высоком уровне обобщенности. В конечном итоге он связан с атрибутивными особенностями качеств. Прежде всего, эта та особенность, которая отражена в известной дихотомии, впервые сформулированной Г. Гегелем и состоящей в том, что категория качества получает двойное истолкование – гносеологическое и онтологическое. В гносеологическом смысле качество определяется как то, в чем нечто проявляется и выступает как начальная ступень познания вещей. Как онтологическая категория качества, по Г. Гегелю, «есть вообще тождественная с бытием непосредственная определенность» [15].

Далее, качество предстает и как то, что одновременно является и объективным, и субъективным. Оно объективно в том смысле, что атрибутивно присуще некоторой сущности и, более того, само как раз и является этой сущностью. Однако оно и столь же атрибутивно субъективно, поскольку может эксплицироваться только во взаимодействии познаваемого (объективного) и познающего (субъективного, точнее, субъектного).

Достаточно необычная черта категории качества состоит в том, что оно одновременно и существует и не существует. Существует, потому что атрибутивно сопряжено с самой сущностью; не существует, потому что является обязательной функцией взаимодействия объекта и субъекта, проявляясь и возникая (проявляется и возникает) только там и тогда, где и когда это взаимодействие имеет место.

Наряду с этим, как отмечается в [16], качество представляет собой также единство поверхностного и глубинного. С одной стороны, это нечто, в чем находит свое проявление та или иная сущность – то, что «лежит на поверхности» и проявляется непосредственным (хотя нередко и обманчивым) образом. С другой стороны, это – «наиболее важное», что есть в сущности и, следовательно, его наиболее существенная, глубинная ха-

рактеристика. Другими словами, в качествах нечто и раскрывается и скрывается. Качество трактуется в этой связи как единство истинного и ложного.

Качество раскрывается и как единство внешнего и внутреннего. Оно атрибутивно презентивует некоторую сущность, то есть обязательно носит эксплицитный характер, но одновременно и составляет эту сущность, то есть ее имплицитное содержание. Это – и экспликант, и импликант сущности одновременно.

Все эти атрибутивные характеристики тесно связаны с общим свойством категории качества – с единством феноменального и ноуменального, то есть явления и сущности. Оно, с одной стороны, то, в чем нечто проявляется, а с другой, то, чем нечто является. Эта особенность лежит, как известно, в основе одной из главных гносеологических проблем – «проникновения» через явление к сущности и возможность самого этого проникновения в целом, а также его границ, механизмов и др. Это же и своеобразный «водораздел» в решении вопроса о познаваемости мира в целом, имеющего множество вариантов, включая радикальные, составлявшие суть агностицизма.

С другой стороны, как уже отмечалось, вопрос о соотношении феноменального и ноуменального в познании и в историческом и в содержательном плане был сформулирован и практически полностью исследуется по отношению к познанию именно объектов, объективной реальности. Однако несколько странным и даже не вполне понятным образом он очень слабо раскрыт по отношению к познанию таких объектов, в качестве которых выступают уже не «неодушевленные» сущности, а субъекты. Вследствие априорно осуществляемой дифференциации на субъект и объект, которая является базовой для познания и вообще для постановки любых проблем, связанных с раскрытием природы взаимодействия «человека и мира», сущность познавательной ситуации как таковой состоит именно в необходимости «проникновения» первым (субъектом) в содержание второго (объекта). Однако трудно не видеть, что основная задача психологического позна-

ния заключается не в этом, а в том, чтобы второй (субъект) осуществил, так сказать, самопроникновение и выступил бы для самого себя как объект, «отягощенный» всеми теми гносеологическими препятствиями, которыми характеризуется любой иной объект познания. Вместе с тем субъективная реальность, в отличие от объективной, в значительно меньшей степени изучается в плане раскрытия соотношений феноменального и ноуменального. Однако и по отношению к ней роль данного вопроса является очень важной: она столь же велика и даже критически значима, как и для познания объективной реальности. По отношению к субъективной реальности и в целом к личности как ее носителю данный вопрос приобретает ряд дополнительных и весьма специфических черт, уже частично отмеченных выше. Наряду с ними, необходимо дифференцировать, по нашему мнению, и некоторые дополнительные и также существенные особенности данного, повторяем, ключевого в гносеологическом плане соотношения – диалектики феноменального и ноуменального в познании личности.

V

Во-первых, по отношению к личности как объекту познавательных процедур само феноменальное начало представлено в особом своего рода «заостренном» виде. Психическое в целом и репрезентация той его «составляющей», которая соотносится с личностными качествами, обладает, как известно, атрибутивным свойством *непосредственной* данности. Она не только не требует никаких иных вспомогательных средств для того, чтобы быть доступным такой данности, но сама фактически и является ею, образует и даже конституирует ее. Следовательно, сами феноменологические проявления личности, которые составляют сущность личностных качеств как таковых (повторяем, фактически и являются ими), не просто даны наиболее непосредственным образом, но представлены с максимально возможной – *предельной* степенью эксплицированности. Ничто иное в познании не выступает феноменом в столь яркой непосредственной форме, как сам феномен

личности и ее отдельные «составляющие» – ее качества. Кроме того, как было показано выше, вследствие механизма окачества происходит своеобразная онтологизация самих личностных качеств. Они из статуса проявлений определенного носителя (личности) трансформируются в статус содержания самого этого носителя. Тем самым феноменальное и ноуменальное не просто сближаются, но в значительной мере становится одним и тем же, по крайней мере, для самой личности, то есть для так называемого «внутреннего наблюдателя». Такая трансформация ноуменального в феноменальное приводит к двум следствиям. С одной стороны, порождается субъективное ощущение «полноты осознания», точнее, репрезентации своего внутреннего мира самому себе (что очень детально охарактеризовано, например, в исследованиях Я-концепции). С другой стороны, принимая феноменологические проявления ноуменального за него самого, то есть за сущность, за истину, субъект подвергается действию известных aberrаций, связанных с неадекватной экспликацией им своих особенностей и черт (что также подробно охарактеризовано в литературе).

Во-вторых, аналогичной гипертрофии подвергается и ноуменальное начало по отношению к личности как предмету познания (и научного и житейского), что опять-таки обусловлено ключевыми атрибутами организации психического в целом и личностной организации в особенности. Дело в том, что не менее известным и важным атрибутом психического в целом, чем его непосредственная данность, является еще одно также его базовое свойство. Оно состоит в том, что психическое в целом и личность в частности не только подчиняется определенным закономерностям – *функционирует* по ним и согласно им, но может в определенных пределах *воздействовать* на них – на меру и даже на характер их действия и проявления. В конечном счете именно это и составляет атрибут саморегулируемости и самоуправления как таковых. С наибольшей степенью выраженности это представлено именно по отношению к личностным качествам – к тому, каким

образом они проявляются, объективируются. Очень показательны и то, что такие регулирующие и трансформационные воздействия могут приводить к маскировке и даже к фальсификации тех или иных личностных качеств. Тем самым в еще большей степени и на совершенно ином уровне осложняется связь феноменального и ноуменального. Феноменальное не просто, так сказать, «искренне скрывает» ноуменальное, но и намеренно маскирует, ингибирует и даже блокирует доступ к нему. Собственно говоря, это и нашло отражение в двух противоположных значениях, которые существуют у самого понятия личности (не только лицо как то, что *раскрывает* ее, но и личина как то, что ее *скрывает*). Следовательно, по отношению к личности необходимо констатировать еще один важнейший источник ее радикальной ноуменальности, принципиально отсутствующий у любых иных прелатов познания. В личности именно принципиальной и потому очень существенной гипертрофии подвергается не только ее феноменальное, но и ноуменальное начало. При этом можно констатировать любопытную гносеологическую коллизию. На первый взгляд представляется очевидным и даже «само собой разумеющимся» следующее обстоятельство. Чем более нечто представлено как феномен, тем менее оно представлено как ноумен, то есть тем проще и легче оно раскрывается в его истинном виде и глубинном содержании. По отношению к подавляющему большинству предметов познания оно, конечно, справедливо. Однако по отношению к личности ситуация является обратной. Она, будучи максимально и даже предельно представленной именно как феномен, столь же максимально представлена и как ноумен. Усиление ее феноменального начала приводит не к уменьшению ее ноуменального потенциала, а, наоборот, к его очень существенному возрастанию. Следовательно, можно констатировать, что среди всех объектов познания есть и такой, который характеризуется не вполне обычной с точки зрения сложившихся в гносеологии представлений особенностью. Чем более он представлен как феномен, тем более он представ-

лен и как ноумен; феноменальное выступает не только как средство «расшифровки» ноуменального, но и как барьер доступа к нему.

Наконец, в-третьих, необходимо отметить и еще одну особенность организации психического, которая также придает специфичность соотношению феноменального и ноуменального в его познании. Она состоит в том, что психическое феноменологически представлено лишь в аспекте своих содержательных, результативных проявлений, но не в плане тех механизмов, которые лежат в его основе. Оно действительно дано интроспективно, но в весьма ограниченном виде – в виде итоговых эффектов функционирования, но не средств, процессов и механизмов, их обеспечивающих. Это, как известно, одна из важнейших, наиболее фундаментальных и определяющих особенностей психики. Она обуславливает «непроницаемость» психического, невозможность доступа к его механизмам средствами интроспекции – то важнейшее обстоятельство, что «психическое трагически невидимо» [17]. Оно в аспекте своих механизмов (то есть того, что, собственно говоря, и интересует научное познание в целом и психологическое в особенности) не только не *объективируемо*, но даже в его значительной и определяющей части и не *субъективируемо*. Другими словами, оно действительно дано субъекту, но дано только как феномен, но не как ноумен. Более того, именно по отношению к нему, как следует из сказанного, проникновение через первый (феномен) во второй (ноумен) не просто крайне проблематично, но и, по-видимому, принципиально невозможно существующими в настоящее время познавательными средствами. Отсюда, однако, вытекают и еще три следствия. Первое: субъективно – интроспективно (то есть с позиций «внутреннего наблюдателя») психическое дано точно так же, как «внешнему наблюдателю» дан любой иной объект – оно дано только как феномен. Второе: по отношению к психическому «пути» от феномена к ноумену не просто еще более затруднен, но и сопряжен с принципиальными преградами, обусловленными базовыми атрибутами психического – его интроспек-

тивной неданностью, его «невидимостью»: оно не только не объективируемо, но и не субъективируемо в плане его механизмов. Третье: по отношению к познанию психического имеет место сохранение всех атрибутивных особенностей связи феноменального и ноуменального, а одновременно их усиление и существенное усложнение самой этой связи. Этим,

собственно говоря, и обусловлена специфика психологического познания, а также его большая сложность по отношению ко многим иным сферам познания. В особой степени все это проявляется по отношению к исследованию личности как наиболее интегративной экспликации предмета психологического познания в целом.

Ссылки

1. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1977. Т. 3: Философия духа. 471 с.
3. Философский словарь / под ред. В. Фролова. М.: Мысль, 1987. 588 с.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 334 с.
5. Роговин М. С. Введение в психологию. М.: Высш. школа, 1969. 381 с.
6. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1984. 464 с.
7. Карпов А. В. Психология сознания: метасистемный подход. М.: Изд. дом РАО, 2011. 1080 с.
8. Кант И. Собрание сочинений. М.: Наука, 1994. Т. 6. 612 с.
9. Карпов А. В. Рефлексивная детерминация деятельности и личности. М.: РАО, 2106. 401 с.
10. Барановская М. С. Пятифакторная модель личности П. Коста и Р. МакКрея и ее взаимосвязь с факторными теориями личности Г. Айзенка и Р. Кеттелла // Психологический журнал, 2005. Т. 26, № 4. С. 52–57.
11. Варламова Е. П., Степанов С. Ю. Рефлексивная диагностика в системе образования // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 78–87.
12. Щебетенко С. А. Я-концепция, эмпатия читательниц и близость сказочных персонажей // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / под ред. Л. Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004. С. 248–278.
13. McAdams D. P., Pals J. L. A new Big Five: Fundamental principles for an integrative science of personality // American Psychologist. 2006. Vol. 61. P. 204–217.
14. Costa Jr. P. T., McCrae R. R. Revised NEO Personality Inventory (NEOPI-R) and NEO Five-Factor Inventory (NEO-FFI): Professional manual. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources, 1992. 453 p.
15. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
16. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. М.: Изд. дом РАО, 2017. 640 с.
17. Миллер Дж., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М.: Прогресс, 1965. 192 с.